

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ИЗ ЛАВОК ГОСТИНЫХ ДВОРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Е.Г. Кирьянова

Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. изменили весь жизненный уклад российского общества, затронув и такую сферу, как книжное дело. Книга, на которой заиграли те же светотени истории, что и на других отраслях, оказалась в центре духовной жизни России. Быстрое развитие экономики, активизация городской жизни, возрастание уровня образованности и культурных потребностей населения вызвали повышенный спрос на продукцию печатного станка, позволив развиваться книжной торговле более стабильно.

1860–1870-е гг. оказались переломными в истории развития отечественной книжной торговли. Дополнительные возможности для предпринимательства в этой сфере открывало обновлённое торгово-промышленное законодательство. Принципы бессловности и равенства всех правоспособных граждан в занятиях торговлей, а также преимущества беспошлинной торговли привлекли в книготорговое дело большое число новых коммерсантов, в том числе из мещан и крестьян. Ни принятые 6 апреля 1865 г. «Временные правила о цензуре и печати» с их жёсткой регламентацией, ни последовавшие в связи с покушением на императора в апреле 1866 г. запретительные и ограничительные циркуляры уже не могли сдержать предпринимательскую инициативу. Рост отрасли был очевиден. Разнообразился ассортимент продукции. Расширилась сеть заведений. Только за 5 лет (с 1866 по 1871 г.) численность предприятий стационарной книжной торговли в провинции увеличилась на 56 % (с 205 до 364). Практически удвоилось количество специализированных книжных магазинов с выдачей книг для чтения (с 33 до 62)¹.

Книжная торговля пореформенной России носила многоукладный характер. По-прежнему широко распространённой оставалась разносная торговля на городских рынках и сезонных ярмарках, но появились и новые формы сбыта печатной продукции, вызванные к жизни техническим прогрессом, экономическими и культурными преобразованиями. Крупные книготорговые фирмы содействовали становлению рассылочных форм торговли, таких, как почтово-посылочная («магазины для иногородних»), торговля подписными изданиями и т. д. По мере расширения сети железных дорог быстрыми темпами развивалась пристанционная торговля. К распространению учебной, педагогической и практической литературы активно подключились земские организации, во многих губерниях успешно действовали земские книжные склады. Угасание дворянских усадеб и «выброс» на книжные рынки раритетов усадебных библиотек вызвали всплеск библиофильства, создав прочные основы для развития букинистической и антикварной торгов-

¹ Книга в России. 1861–1881: В 3 т. / Под ред. И.И. Фроловой. – М., 1988. – Т. 1. – С. 33.

ли.

Изменился сам облик книготорговых заведений, чему способствовала деятельность столичных предпринимателей буржуазно-просветительского толка. В официальных ведомостях инспекторского надзора и на страницах специализированной периодики всё чаще стал встречаться термин «книжный магазин».

Все эти тенденции нашли своё яркое отражение в Тверской губернии. Развитие книжной торговли здесь проходило на фоне общего роста предпринимательской активности. К началу 1880-х гг. число ежегодно выдаваемых разрешительных документов на право торговли увеличилось по сравнению с началом 1860-х гг. на 17 %, причём наибольшее их количество было выдано в периоды с 1868 по 1871 г. и с 1877 по 1880 г.²

Стремительно росла сеть книготорговых заведений вдоль линий пропрудившихся по территории губернии железных дорог. Увеличилась квота специализированных книготорговых заведений. В Кашине продолжил дело своего знаменитого брата – книготорговца-просветителя, теоретика книжного дела, издателя журнала «Книжник» (1865–1866) Анатолия Фёдоровича Черенина³ – Фёдор Черенин. В его магазине можно было подобрать книгу на любой читательский вкус, включая издания на иностранных языках. В г. Осташкове с 1867 г. торговал купец Иван Митин⁴, в г. Вышнем Волочке открыл магазин с правом выдачи книг для чтения Василий Китайцев⁵, в г. Бежецке при галантерейной лавке по Суворовской линии местного гостиного двора основал частную библиотеку Василий Ездаков. Многочисленные учебники, специальная литература по медицине, праву и естественным наукам, энциклопедические словари, художественная литература и разнообразная периодика – вот далеко не полный перечень отделов этой библиотеки, каталог которой в 1870 г. насчитывал 450 библиографических записей⁶.

Но кроме торговцев-специалистов существовала целая армия мелких торговцев-лавочников, которые промышляли случайно попавшимися книгами среди прочих товаров. Отмечая эту особенность отечественной книжной торговли, историк всеобщей литературы А.И. Кирпичников писал: «Наши книгопродавцы довольно резко распадаются на две группы. Меньшинство – люди образованные, или, по крайней мере, люди начитанные, идеалисты, относящиеся к книге не только с любовью, но и со страстью, вроде Смирдина и Кожанчикова. О них с благодарностью вспоминают учёные и литераторы... вспомнят когда-нибудь и историки русской культуры. Другие – купцы, для которых книги – просто товар невыгодный, медленно обращающийся. Они избегают риска и только стремятся всеми силами поменьше заплатить и побольше выручить»⁷.

² Обзор Тверской губернии за 1883 год. – Тверь, 1884 – С. 13.

³ Книготорговая и книговедческая деятельность А.Ф. Черенина нашла достойное отражение в отечественной историографической традиции. См.: *Баренбаум И.Е.* А.Ф. Черенин и его журнал «Книжник». К истории демократического книжного дела в России во второй половине XIX в. // Книга: Исследования и материалы. – М., 1969. – Сб. 19. – С. 94–113; *Виноградова Л.А.* А.Ф. Черенин – практик и теоретик культурно-просветительской книжной торговли в 60-е гг. XIX в. // Книжная торговля: Опыт, проблемы, история. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 242–248; *Полиновская Л.Д.* Один из московских книжников. // В мире книг. – 1985. – № 2. – С. 24–25; *Она же.* А.Ф. Черенин (1826–1892) и его книгопродавческая и издательская деятельность: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.

⁴ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 8036. – Л. 14 об.

⁵ Там же. – Л. 17; Д. 142006. – Л. 95а об.

⁶ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 14206. – Л. 225–230.

⁷ Очерк истории книги. Две публичные лекции, читанные в Одессе профессором А.И. Кирпичниковым.

Количественно такие торговцы преобладали. Даже и в начале XX столетия удельный вес магазинов в структуре торговой сети России, не только в сфере книжной торговли, составлял всего лишь 13 %⁸.

Магазинная торговля требовала более значительных капиталовложений и высоких эксплуатационных расходов по сравнению с ларьковой, тем более палаточно-ларьковой сетью, и для большинства предпринимателей оставалась недоступной. По подсчётам кашинского книготорговца, члена Русского общества книгопродавцев и издателей Н.П. Черенина⁹, издержки по содержанию книжных магазинов, без учёта расходов на рекламу, составляли от 800 до 1500 рублей в год. Наём торгового помещения обходился в 200–400 рублей, содержание одного служащего – в 150 рублей, страховые и почтовые расходы – в 150–300 рублей, различного рода вознаграждения – в 300–500 рублей¹⁰.

Вот и другое схожее мнение вышневолоцкого купца Григория Демидова, человека не менее искушённого в вопросах сбыта книжной продукции: «город Вышний Волочёк не так велик, чтобы в нём можно было торговать одними книгами без посторонних предметов»¹¹.

Выясним, являлась ли лавочная торговля определяющей в потребительско-сбытовой книжной культуре российской провинции и в какой мере она влияла на формирование её социокультурных традиций.

Трудности изучения проблемы заключаются прежде всего в отсутствии необходимых источников и достоверной статистики. Численность мелких торговцев, особенно тех, которые торговали книгами наряду с другими товарами, из-за зыбкости существования самих торговых предприятий практически не поддаётся подсчёту. Архивные фонды содержат многочисленные разрешения губернских органов управления на открытие книготорговых заведений, однако реальных следов их деятельности чаще не находится. Жесткая конкуренция непрерывно меняла картину книжного рынка: подавляющая часть только что открытых лавок быстро исчезала, уступая место новым. В подобной ситуации инспекторская отчётность – чуть ли не единственный источник определения численности книготорговых заведений.

Инспектировали книготорговые заведения в столичных городах специальные инспекторы при генерал-губернаторах, в провинции – чиновники особых поручений при губернаторах. Схема контроля была простой. Каждый продавец должен был получить официальное разрешение на торговлю (в Санкт-Петербурге – от местного градоначальника, в Москве – от генерал-губернатора, в других местностях – от губернаторов), которое было действительно в течение двух лет, затем сооб-

– СПб., 1888. – С. 71.

⁸ Губина Н.М. Формирование новых потребительских практик иваново-вознесенцев на рубеже XIX–XX веков // Вестн. гум. ф-а Иванов. гос. хим.-технологич. ун-та. – Вып. 1. – Иваново, 2006. – С. 21.

⁹ Николай Петрович Черенин, купец (1890-е гг.), позднее мещанин, приходился внучатым племянником известному деятелю книги А.Ф. Черенину. С 1896 г. – владелец книжного магазина в Кашине. Автор ряда публикаций о состоянии провинциальной книжной торговли в России. См.: Черенин Н.П. К вопросу о положении провинциальной книжной торговли в России и условиях её развития. Доклад Общему собранию членов Русского Общества книгопродавцев и издателей // Кн. вестник. – 1902. – № 27. – Прил. С. 1–18; *Он же*. Как открывать и вести книжную торговлю в провинции. – М., 1909; *Он же*. Сколько в России книгопродавцев? // Кн. вестник. – 1911. – № 38. – С. 373–375 и др.

¹⁰ Черенин Н.П. Как открывать и вести книжную торговлю. – С. 24–25.

¹¹ В начале 1860-х гг. Г. Демидов служил приказчиком у столичного книготорговца В.А. Исакова. См.: ГАТО. – Ф.56. – Оп. 1. – Д. 536 – Л.13–14; Там же. – Д. 491. – Л. 4, 19–21.

щить инспектору сведения об ответственных за торговые действия и периодически предоставлять для проверок товарных запасов перечни продаваемых книг, так называемые «каталоги»¹².

Необходимые в процессе контроля сведения собирались с помощью уездных исправников, обобщались чиновниками особых поручений при губернаторах в специальные ведомости и направлялись в Главное управление по делам печати. С конца 1860-х гг. ведомости о числе предприятий печати и книжной торговли были унифицированы и стали присылаться ежегодно¹³.

Поводом для ускоренного внедрения подобной практики послужило покушение Д.В. Каракозова на императора. Уже в мае 1866 г. Главное управление по делам печати запросило по всем губерниям полные сведения о составе и численности типографий, литографий, книжных лавок, магазинов и библиотек. В ведомостях (одной – для предприятий печати, второй – для книготорговых заведений) необходимо было указывать название местности и тип предприятия, фамилию, имя, отчество и сословную принадлежность владельца, а также время выдачи разрешительных документов. Списки торговых заведений должны были содержать ещё и краткую информацию о составе книг и наличии «каталогов»¹⁴. Исполняя предписание, инспектор книжной торговли и библиотечного дела в Тверской губернии, чиновник особых поручений при губернаторе князь А.Н. Оболенский докладывал губернатору: «... собственно книжных лавок и магазинов в Тверской губернии нет. Но во всяких городах Тверской губернии существуют лавки, в которых между прочими предметами торговли продаются и книги на основании торговых свидетельств и свидетельств местной полиции. Таковых лавок и лиц, занимающихся разносною продажей книг, во всех городах губернии насчитывается до 150-и. У всех лиц, занимающихся продажей книг, заведены каталоги»¹⁵.

Чиновник явно искажил факты: каталоги велись далеко не всеми книготорговцами. Малограмотные, а порой и вовсе безграмотные книготорговцы-лавочники под всевозможными предлогами стремились освободиться от этой обременительной обязанности, о чём свидетельствуют архивные документы¹⁶.

Не отражали действительное положение дел и сведения о численности лавок. Причины такого положения дел следует искать как в неполноте и обрывочности данных, так и в их фальсификации, которую допускали и торговцы, и inspectирующие. Первые утаивали книги и сведения о них во избежание сложностей с органами надзора и излишних хлопот по составлению каталогов. Вторые подтасовывали статистические данные в угоду вышестоящему начальству: оказывается, высокие показатели воспринимались не всегда положительно. Любопытное объяснение этому находим в письме начальника Главного управления по делам печати В.В. Григорьева вологодскому губернатору. Ссылаясь на конфиденциальное предложение министра внутренних дел (№ 165 от 10 августа 1865 г.), высокопоставленный чиновник подчёркивал, что «число дозволенных по каждой отдельной местности типографий, литографий и книжных лавок должно находиться в полной ответственности со средствами полицейского надзора, что при разрешении та-

¹²Устав о цензуре и печати // Свод законов Российской империи. – СПб, 1890. – Т. 14. – Ст. 159, 175, 177.

¹³ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 7445. – Л. 19.

¹⁴Там же. – Д. 520. – Л. 1–2., 2 об.

¹⁵Там же. – Л. 9.

¹⁶Там же. – Д. 142006. – Л. 22.

ковых заведений надлежит, между прочим, принимать во внимание действительную потребность в открытии оных». Признавая вообще неудобным «производство смешанной торговли книг с другими предметами», он потребовал объяснить причины одновременной выдачи разрешений сразу семи торговцам¹⁷.

Что же представляла собой лавочная торговля с позиций закона? В целом торговая деятельность в пореформенной России понималась очень широко. Устав торговый признавал торговыми установлениями все «учреждения и меры, кои определены законом как способы к лучшему и успешному движению дел, как вне, так и внутри Империи»¹⁸. К ним, в частности, относились любые платные услуги, купля-продажа ценных бумаг, банковская, биржевая и даже страховая деятельность¹⁹.

Вместе с тем отечественное торговое право четко разграничивало торговлю по категориям и видам. Так, «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 – 1865 гг. выделяло торговлю оптовую, розничную и мелочную²⁰. Для первой была характерна продажа товара партиями со складов, контор, амбаров, возов и судов. Отличительным признаком розничной торговли являлась так называемая «раздробительная продажа предметов потребления» из специально предназначенных помещений (магазинов, лавок, ларей и т. д.). Мелочной признавалась «раздробительная» продажа товаров, перечисленных в специальных росписях²¹, которые являлись неперенным приложением закона. Мелочный торг мог осуществляться как из стационарных помещений, так и вразнос, и вразвоз.

По признаку места осуществления торговля подразделялась прежде всего на сельскую и городскую. В свою очередь, в этих пределах выделялись отдельные локальные территории торга: рынки, торговые площади, конкретные строения (торговые и гостинные ряды, отдельно стоящие здания магазинов, амбаров, складов) или помещения в каких-либо строениях²².

Каждый вид торговли имел свои специфические, фиксируемые законом особенности. Так, торговля на ярмарках отличалась от базарной тем, что на ярмарках разрешалось продавать мануфактурный и колониальный товар, в то время как на базарах только припасы и сельскохозяйственную продукцию²³. Четко разграничивалась торговля в торговых и гостинных дворах. Первые считались местом рознич-

¹⁷ Книга в России. 1861–1881: В 3 т. / Под ред. И.И.Фроловой. – М.: 1990. – Т. 2 – С. 152–153.

¹⁸ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – М., 1916. – С. 14.

¹⁹ Устав о прямых налогах // Свод законов Российской империи. – М., 1910. – Кн. II. – Т. V. – Ст. 214.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). – Собр. II. – 1863. – Т. 38. – № 39118. – Введение, п. 1; 1865. – Т. 40. – № 41779. – Введение, п. 1; Устав о прямых налогах // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1901. – Т. V. – Ст. 101–102.

²¹ Таких росписей насчитывалось четыре: «Роспись А – товарам, которые могут быть продаваемы, без взятия свидетельств, лицами всех состояний в разнос, на столах, ларях и лотках по рынкам и улицам, в городах и пригородных местах»; «Роспись Б – крестьянским домашним изделиям, которые могут быть продаваемы сельскими обывателями, без взятия свидетельств, на базарах, рынках и пристанях, в городах и селениях, с возов, судов и лодок, а также подвижных ларей, столов и лотков»; «Роспись Е – товарам, дозволенным к продаже в розницу из лавок в гостинных дворах, рядах и др. местах по свидетельствам и билетам на мелочной торг»; «Роспись Ж – товарам, которые могут быть продаваемы из мелочных лавочек, содержимых вне гостинных дворов и т.п. рядов». См.: Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов // ПСЗ. – Собр. II. – 1865. – Т. 40. – № 41779. – Отд. 2. Приложение

²² ПСЗ. – Собр. II. – 1865. – Т. 40. – № 41779. – Ст. 39

²³ Там же. – 1863. – Т. 38. – № 39118. – Ст. 26

ной торговли, вторые – оптовой. Это различие получило законодательное закрепление ещё в XVII столетии.

Важным признаком разграничения торговли являлось требование уплаты государственных сборов. По этому признаку все виды торговой деятельности подразделялись на осуществляемые с платежом пошлин и без него. По «Положению о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 г. от уплаты пошлины при получении лицензионных документов освобождалась торговля хлебом, льном, пенькой, шерстью, в случаях, если она осуществлялась самими производителями этой продукции²⁴. Не платили за свидетельства и билеты владельцы маслобоек, мельниц, лесопилен, на которых трудились не более 16 человек, а также предприятия по продаже сельскохозяйственных машин и других товаров, необходимых для сельского хозяйства. Льготами пользовались производители машин, аппаратов для фабрик, химических веществ, красителей. Не облагалась пошлинами торговля лубками и «всякими товарами на ярмарках и установленных торгах в продолжение определённого законом или обычаем времени», а также торговля из лавок, балаганов и будок на ярмарочном месте или торговой площади²⁵. В новой редакции от 9 февраля 1865 г. «Положение» признавало беспошлинным и содержание учебных, гигиенических и лечебных заведений, а также библиотек для чтения (повсеместно) и книжных магазинов во всех городских и сельских поселениях за исключением обеих столиц²⁶.

Определённый интерес представляет вопрос о фактическом соотношении освобожденных и не освобожденных от уплаты пошлин торгово-промышленных предприятий. К примеру, в Тверской губернии без уплаты пошлин в 1879 г. осуществляли свою деятельность 35% всех зарегистрированных торгово-промышленных заведений (за исключением данных по Кашинскому уезду), а именно 7709 из 22 106 заведений. Причём преобладали промышленные заведения (7439), и не городские, а те, которые действовали в сельской местности (6090)²⁷.

Однако независимо от того, платили предприниматели пошлину или нет, они могли открыть дело не иначе как после получения соответствующих разрешительных документов: свидетельства, подтверждающего право заниматься тем или иным видом торговли, и билетов, фиксирующих право на содержание конкретных торговых точек, или только билетов.

Выбор тех или иных документов зависел от характера торговли, её масштабов, места осуществления и количества нанимаемых служащих. Последний показатель существенно влиял на размер пошлины. Так, мелочные торговцы, у которых трудилось от 5 до 9 служащих, обязаны были «выбирать» свидетельства по 2-й гильдии по местному окладу и без билета. При наличии четырёх и менее работников предпринимателями уплачивалась половинная пошлина от той, которая полагалась при получении свидетельств на мелочный торг²⁸.

Свидетельства подразделялись на купеческие или гильдейские (для купцов первой гильдии на оптовую торговлю, для купцов второй гильдии – на розничную) и промысловые. В числе последних различали ещё пять разновидностей: свидетельства на мелочный торг, развозную и разносную торговлю, на мещанские

²⁴ Устав о прямых налогах // Свод законов Российской империи. – М., 1910. – Кн. II. – Т. V. – Ст. 216.

²⁵ ПСЗ. – Собр. II. – 1863. – Т. 38. – № 39118. – Ст. 4

²⁶ Там же. – 1865. – Т. 40. – № 41779. – Ст. 4 (п. 3).

²⁷ ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 14974. – Л. 9–9 об.

²⁸ ПСЗ. – Собр. II. – 1865. – Т. 40. – № 41779. – Ст. 39.

промыслы и те, которые необходимо было получать в случае найма приказчиков²⁹.

Торговля книгами среди прочих товаров могла производиться на основании всех предусматриваемых законом видов свидетельств, которые, как уже говорилось, во всех городах империи, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, выдавались беспошлинно.

Рассмотрим более подробно права тех предпринимателей, которые осуществляли свою торговую деятельность по свидетельствам на мелочный торг. Обладателям таких свидетельств разрешалось содержать одновременно несколько лавок в гостиных дворах или в других помещениях, предназначенных для продажи мелочных товаров, при условии уплаты билетного сбора за каждую из них. Более того, хозяева одного и единственного заведения освобождались от обязанности нанять приказчика, а, следовательно, и оплачивать соответствующую пошлину. Это позволяло открыть дело с минимальными издержками и делало мелочный торг привлекательным для коммерсантов из малоимущих слоёв населения. На деле экономия оказывалась не такой уж маленькой, если принять во внимание, что содержание одного приказчика обходилось в среднем от 120 до 300 рублей серебром в год, а годовой оборот мелочных лавок (для третьеразрядных заведений) колебался в пределах от 1000 до 7000 рублей серебром³⁰.

Ограничения прав сводились к тому, что торговать разрешалось только теми товарами, которые перечислялись в росписях мелочных товаров, и только в той местности, где собственно и были выданы разрешительные документы³¹. Была и ещё одна тонкость. Оказывается на торговцев, которые продавали книги среди «мелочных товаров» не распространялась предусмотренная законом льгота беспошлинного получения лицензионных документов, так как для торговли всеми остальными товарами они платили пошлину как за свидетельство, дающее право на производство торговых действий, так и за свидетельство для приказчика. Таким образом, нововведения 1865 г. были прежде всего направлены на поддержание специализированной книжной торговли.

Самыми широкими правами – торговля оптом и в розницу, русскими и иностранными товарами, лично и при посредничестве приказчиков, в масштабах всей империи – пользовались владельцы купеческих свидетельств по 1-й гильдии. Однако в торговом быту таких предприятий было немного, преобладали негильдейские, которые действовали на основании промысловых свидетельств. К примеру, в Тверской губернии в 1897 г. их насчитывалось 52,5 % (без учёта данных по Кашинскому уезду). В то же время их доходность была существенно ниже доходности гильдейских. В 1897 г. она составила всего 1 424 575 рублей (без учёта данных по Кашинскому уезду), или 38% по отношению к уровню доходности гильдейских заведений³².

В свою очередь, среди негильдейских заведений преобладали те, которые действовали на основании промысловых свидетельств третьего разряда. Так, в 1914 г. из 609 промысловых свидетельств, выданных в Ржевском уезде, одним из наиболее развитых в промышленном и торговом отношении уездов Тверской гу-

²⁹ Там же. – Ст. 13

³⁰ Подсчитано по: ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 1. – Д. 15019, 1221.

³¹ ПСЗ. – Собр. II. – 1863. – Т. 38. – № 39118. – Ст. 37; ПСЗ. – Собр. II. – Т. 40. – Ст. 14,39, 40.

³² ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 14974. – Л. 4.

бернии, свидетельств 1-го разряда было только 4, 2-го – 102, 3-го – 389 и 4-го – 11³³. Чтобы лучше представить масштаб этих заведений, приведём их характеристики на основе материалов проверок участковыми податными инспекторами (по г. Твери за 1905 г. и Ржевскому уезду за 1914 г.)³⁴. Как правило, это лавки с одним торговым помещением, арендной платой от 156 до 360 рублей и одним младшим служащим – «мальчиком». Годовой оборот таких лавок колебался от 1000 до 15000 рублей³⁵.

Как видим, лавочная торговля в пореформенной России была достаточно распространённой формой сбыта товаров. Так что же такое «лавка» в представлении законодателя XIX в.? Торговое право рассматриваемого периода не даёт нам чёткого определения данного понятия, но при этом методом исключения фиксирует целый ряд отличительных особенностей лавок. Во-первых, в отличие от переносных будок, шкафов, столов, лотков, лавки считались стационарными торговыми заведениями, и для производства торговли из лавок требовалось получить свидетельство и билет, в то время как для торговли из нестационарных заведений достаточно было получить только билет. Не считались лавками так называемые «открытые мастерские», в которых те или иные предметы потребления одновременно производились и передавались на определённых условиях потребителю. Практически невозможно разграничить понятия «книжный магазин» и «книжная лавка», но можно предположить, что термином «книжный магазин» обозначались более современные, хорошо оборудованные специализированные книготорговые заведения.

Различали лавки специализированные (хлебные, бакалейные, чайные, овощные и т. д.) и мелочные. «Мелочная лавочка» в сбыто-потребительской культуре дореволюционной России – категория совершенно особая. Её параметры установлены законом предельно чётко. Мелочная лавка могла иметь лишь один «покой» для продажи товара, но несколько вспомогательных помещений: кладовую, погреб, ледник, а также жилые «покоя» для хозяина, с тем лишь условием, что продажа товаров в них категорически запрещалась³⁶. По месту расположения лавки подразделялись на те, которые находились в общественных помещениях (гостиных дворах, торговых рядах), жилых домах и на открытых пространствах (торговых площадях, базарах и ярмарках).

Традиционным и преимущественным местом средоточия лавок являлись торговые и гостиные дворы – торжественные, масштабные постройки с открытыми на улицу аркадами и колоннадами, которые во многом определяли архитектурный облик центра среднерусских городов. В основе их планировки находились секции типовых помещений: в первом этаже – торговых, на втором этаже и в подвалах – складских. Товар хранили и на чердаках. Любопытные подробности об этом сообщает книговед П.К. Симони, знаток быта и нравов московских книготорговцев. Над помещениями торговых палаток «было помещение наподобие чердака, его-то и занимали чуть не даром», – пишет П.К. Симони. – ...Кольчугиными для склада книг было занято издавна несколько таких палаток и чердаков над ними. Оконных

³³ Там же. – Д. 1221. – Л. 302.

³⁴ Примечательно, что налоговые ставки за выдачу промысловых свидетельств 3-го разряда с 1905 по 1914 гг. не менялись и сохранялись в размере 15 рублей.

³⁵ Выводы сделаны на основе сплошного просмотра журналов проверок торгово-промышленных заведений в Твери (1905 г.) и Ржеве (1914 г.) (см.: ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 15019, 1221).

³⁶ ПСЗ. – Собр. II. – 1863. – Т. 38. – № 39118. – Ст. 59.

стёкол в них не вставляли, голуби свободно там летали и водились; да и сами же помещения не запирались. В старое время такие чердаки за смертью хозяев легко занимались первым, кто бы ни пожелал, и кому бы было удобнее занять такие бесхозные, как бы выморочные помещения»³⁷.

С конца XVIII столетия лавки постепенно стали перемещаться из гостиных и торговых рядов в жилые дома. Первое официальное разрешение на производство торговли в городских домах последовало 8 июня 1782 г. Указ от 29 сентября 1797 г. «О нестроении нигде вновь гостиных дворов и о бытии лавкам, нужным для торговли, в домах» окончательно вывел лавки из гостиных дворов³⁸. Поводом узаконения послужил сильнейший пожар в гостином дворе г. Казани, который причинил казне убытки в 1 200 000 рублей. С этого времени лавочная торговля в российских городах перестала быть строго локализованной.

Преимущество городских лавок в жилых домах заключалось в определённой свободе торговли, которая проявлялась как в более гибком режиме их работы, определяемом самим владельцем, так и в меньшем контролирующем воздействии властей. К тому же сочетание торговых помещений с местом жительства продавца плотнее «встраивало» эти торговые заведения в местное городское сообщество³⁹.

В 1860 – 1870-е гг. торговля в городских домах составляла уже заметную конкуренцию той, которая велась в гостиных дворах и торговых рядах⁴⁰. В Твери лавочная книжная торговля во второй половине XIX – начале XX столетия концентрировалась на Миллионной улице, Трёхсвятской улице и в Знаменском переулке. По данным Тверской казённой палаты, в 1905 г. только на Миллионной улице насчитывалось 140 торговых заведений разного класса, в том числе книжный магазин с библиотекой для чтения Г.Е. Ахматова, магазин книг и канцелярских принадлежностей Тверского братства св. кн. Михаила Ярославича Тверского⁴¹.

Теперь, насколько это возможно, попытаемся реконструировать сам процесс торговли, на примере той, которая осуществлялась в гостином дворе г. Твери⁴². Книгами здесь торговали в мелочных и специализированных лавках Ярославского, Хмельёвого, Хлебного и Овощного рядов⁴³. Имена лавочников – Н. Капустин,

³⁷ Книжная торговля в Москве XVIII – XIX столетий: московские книгопродавцы Кольчугины в их книготорговой деятельности и бытовой обстановке. – Л., 1927. – С. 41.

³⁸ ПСЗ.– Собр. I.– 1797. – Т. 24. – № 18171.

³⁹ Радаев В. В. Что такое рынок: Экономико-социологический подход // Экономическая социология. – 2006. – Т. 7. – № 5. – С. 21. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ecsoc.msses.ru>.

⁴⁰ Губина Н.М. Указ. соч. – С. 20.

⁴¹ ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 15019. – Л. 8 об, 14 об–15.

⁴² Первое известие о строительстве гостиного двора в г. Твери восходит к концу XVII столетия, когда на Торговой площади, перед Владимирской башней тверского кремля появилось обширное деревянное здание, включающее торговые ряды, амбары и таможню. В 1763 г., как и многие другие городские постройки, двор сгорел, и на выделенные по указу Екатерины II деньги в 1765 г. было заложено новое здание. В 1772 г. оно было торжественно передано местному купечеству. На протяжении XIX столетия двор неоднократно перестраивался из-за разрушительных пожаров. Очередной из них случился в 1859 г., после чего восстановление здания затянулось: в 1876 г. губернскому начальству всё ещё поступали прошения купцов-погорельцев о «возобновлении» сгоревших лавок. Тогда же было решено заложить открытые арочные проёмы верхнего яруса галереи. Перестройку завершили лишь в 1888 г., а вместе с тем большую часть Гостиного двора, выходящую на Миллионную (бывш. Екатерининскую) ул. отдали под Присутственные места и Общественное собрание (Городскую Думу). См.: Прогулки по Твери: Альбом. – Тверь, 1998. – С. 82; Тверская область. Энциклопедический справочник. – Тверь, 1994. – С. 284–285; Памятники архитектуры Тверской области. Каталог: В 5 кн. / Ред. А.Б. Стерлигов. – Тверь, 2000. – Кн. 1.: Тверь. – С. 117.

⁴³ См.: ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 29005, 142006.

Ф. Капустин, А. Колесов, Д. Капустина, М. Волков, А. Волков, Е. Борисов, Н. Воронов, Е. Вагин, М. Колесов – узнаём всё из тех же документов инспекторского надзора за предприятиями книжной торговли и журналов проверок торгово-промышленных заведений, которые сохранились в делах губернской канцелярии и Тверской казённой палаты⁴⁴. Так, в 1866 г. печатную продукцию в Ярославском ряду можно было по случаю купить в десяти лавках: москательных, посудных, лавке с детскими игрушками мещанки Дарьи Михайловны Капустиной и чайной лавке купца Михаила Михайловича Волкова, шпалерной лавке его брата Арсения Михайловича Волкова и галантерейной лавке купца Ивана Ефимовича Вагина⁴⁵.

Для многих предпринимателей книжная торговля со временем становилась семейным делом. Так, в 1860-х гг. документы инспекторского надзора за книжной торговлей фиксировали книжную торговлю в москательной лавке в Ярославском ряду тверского мещанина Александра Ивановича Колесова. Через несколько десятилетий (в 1905 г.) в той же лавке, судя по журналу проверки торгово-промышленных заведений 1-го участка г. Твери, торговал Виктор Александрович Колесов, вероятнее всего сын А.И. Колесова⁴⁶.

Традиционно содержали лавки в Ярославском ряду мещане и купцы Капустины. Заведение Капустина в г. Твери упоминалось в числе 20 книжных магазинов, действовавших в то время в российской провинции ещё в конце XVIII в.⁴⁷ В 1866 г. книгами из москательных лавок в Ярославском ряду тверского гостиного двора торговали купцы Николай Иванович и Флорентий Иванович Капустины⁴⁸. В 1870 – 1880-е гг. Капустины стали основными поставщиками бумаги для типографии Тверского губернского правления – ведущего полиграфического предприятия губернии⁴⁹. И в 1905 г. фамилия Капустиных всё ещё фигурировала в документах проверок лавок тверского гостиного двора⁵⁰.

Чтобы получить более полное представление о характере и направленности такой торговли, уточним для начала, что подразумевалось под определением «мелочные товары». Оказывается, товар этот не был однородным и, в зависимости от места торга, делился на четыре категории и фиксировался в четырёх соответствующих росписях⁵¹. В первую входили те из них, которые разрешалось продавать лицам всех состояний и без свидетелей «в разнос, на столах, ларях и лотках по рынкам и улицам, в городах и пригородных местах». Вторая включала преимущественно крестьянские домашние изделия, они также могли продаваться без свидетелей, но только «на базарах, рынках и пристанях, в городах и селениях, с возов, судов и лодок, а также подвижных ларей, столов и лотков». Товары, «дозволенные к продаже в розницу из лавок в гостиных дворах, рядах и др. местах по свидетельствам и билетам на мелочной торг», составляли третью группу. Их перечень включал самые разные товары (16 позиций), в том числе простую одежду, например и недорогие «бумажные и льняные, без золота и серебра» платки и косынки, и такие же ткани; столовую и кухонную посуду, кроме фарфоровой, фаянсовой и

⁴⁴ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 14206. – Л. 1–67; Д. 29005. – Л. 120–125; 165–324.

⁴⁵ Там же. – Д. 29005. – Л. 140–140 об, 145.

⁴⁶ Там же. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 15019. – Л. 40 об.–41. (№ 143).

⁴⁷ 400 лет русского книгопечатания до 1917 г.: В 2 т. / Под ред. А.А. Сидорова. – М., 1964. – Т.1. – С. 203.

⁴⁸ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 29005. – Л. 140–140 об.

⁴⁹ Там же. – Ф. 466. – Оп. 1. – Д. 45358. – Л. 8; Там же. – Ф. 783. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 5, 10.

⁵⁰ Там же. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 15019. – Л. 42 об.–43. (№ 147).

⁵¹ ПСЗ.– Собр. II. – 1865. –Т. 40. – № 41779. – Отд. 2. Приложения к № 41779.

той, которая изготавливалась из шлифованного стекла; бытовую утварь (орудия крестьянского производства); незатейливые, из недорогих металлов украшения; лекарственные растения и растительные красители; овощи, фрукты, и другие продукты питания, за исключением хлеба, который мог продаваться только «в зерне». Именно среди этих товаров, многие из которых обозначались в росписи пометкой «для крестьянского пользования», и продавались в мелочных лавках гостиных дворов «старые книги и эстампы», «бумага писчая, простая и картузная», «книжки белья» и другие канцелярские принадлежности. В особую, четвертую роспись были выделены товары, продаваемые из мелочных лавочек, расположенных вне гостиных дворов и торговых рядов. Список этот был короче и включал преимущественно продукты питания, растения, художественные изделия, предметы для рукоделия, а также интересующие нас «старые книги и эстампы».

Таким образом, ассортимент мелочных лавок (в гостиных дворах и в жилых домах) формировался прежде всего в расчёте на «простой народ». Для него-то и предназначалась незатейливая печатная продукция, которая в росписях именовалась как «старые книги и эстампы».

Информация о торговых технологиях и оборудовании лавок практически не сохранилась. Тем не менее в самых общих чертах можно представить, как это было. Торговали либо сами владельцы, либо специально нанимаемые торговые представители: приказчики или сидельцы.

Вопрос о правовых отношениях торговых представителей с хозяевами в дореволюционном законодательстве был разработан достаточно подробно. Проблема волновала отечественного законодателя начиная с петровского времени, когда был принят один из первых законодательных актов в этой области, а именно Указ Петра I от 14 мая 1723 г.⁵² В середине XIX столетия правовые нормы, фиксирующие порядок найма и деятельности торговых представителей, в обобщённом виде нашли отражение в «Положении о пошлинах за право торговли и» 1863 – 1865 гг., а позднее и в Уставе торговом⁵³.

Закон чётко определял, когда владельцы лавок обязаны были нанимать приказчиков, а в каких случаях могли обходиться без них, и ранжировал всех служащих по классам. Эта классификация основывалась на различии обстановки деятельности и пределов полномочий торговых служащих. В первом случае они подразделялись на приказчиков, которые действовали собственно в обстановке и «на сцене» самого заведения, и на уполномоченных (доверенных), действовавших вне его пределов. Во втором – на главных приказчиков и их помощников, а также уполномоченных, которые пользовались общей доверенностью хозяина, и поверенных, наделённых частной доверенностью⁵⁴.

Приказчика 1-го класса полагалось иметь каждому торгующему по свидетельству 1-й или 2-й гильдии, в случае если заведением не заведовал лично хозяин или кто-либо из членов его семейства. Приказчика обязаны были нанимать и предприниматели, торгующие по промысловым свидетельствам, при условии содержания нескольких торговых точек. В мелочных лавках различные торговые задачи чаще выполняли жены и дети хозяев: по торговому Уставу позволялось «членам семей-

⁵² ПСЗ. – Собр. I. – 1723. – Т. VII. – № 4224.

⁵³ Устав торговый // Собрание законов Российской империи. – Т. XI. – Кн. 4. – Ч. 2. – С. 965–973.

⁵⁴ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: В 3 т. – Изд. 4-е. – СПб., 1908. – Т. I. – Парагр. 2. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1785p/instrum1786>.

ства, записанным в одно купеческое свидетельство первой или второй гильдии, выданное на имя начальника семейства... заниматься торговыми делами его и исполнять по оным обязанности приказчиков, поданной им от начальника семейства доверенности без свидетельства на производство личных промысловых занятий и без договора о найме»⁵⁵.

Свои обязанности приказчики исполняли по договору о найме, который должен был заключаться на пять лет. Кроме того, ст. 6 Устава торгового рекомендовала хозяевам при найме приказчиков и сидельцев требовать от них записи с поручительством. В действительности до 90–95% торговых служащих работали без всяких документов, и их попросту прятали⁵⁶.

За неисполнение этого требования торговцы подвергались денежному штрафу, равному цене свидетельства для приказчика. Такому же взысканию подвергались хозяева, содержавшие приказчиков без свидетельств, при этом они были обязаны выкупить ещё и свидетельство для приказчика⁵⁷.

Среди торговых технологий, безусловно, преобладала торговля «через прилавок», которая являлась своеобразной характерной чертой отечественной сбытовой культуры. Об этом можно судить на основе сохранившихся сведений о московских лавках. Так, у известного на всю Москву книготорговца Ивана Григорьевича Кольчугина, как описывал её П.К. Симони, прилавок был устроен во всю длину лавки, «у прохода за него была конторка на столе и за нею всегдашнее место пребывания хозяина. Ни стула, ни скамейки в лавке не было. Между двумя дверьми постоянно лежала огромная груда книг, покрытая пылью; книги были навалены как нипопада, т. е. попросту сказать царил в ней невообразимый хаос, но никто не смей книги с места, если она им где была положена, потому что он хорошо знал, где какая книга лежит, чуть не зажмуря глаза найдёт сам нужную покупателю книгу»⁵⁸.

Состав продаваемых книг раскрывают каталоги, которые по закону обязаны были вести все книготорговцы. Крупные книготорговцы – владельцы специализированных магазинов с библиотеками для чтения – их, как правило, издавали⁵⁹, мелкие – писали в двух экземплярах от руки. Однако эти неграмотно и наспех составленные перечни книг каталогами можно назвать лишь условно: неполное и неточное указание заглавий книг, имён авторов, отсутствие выходных данных, многочисленные ошибки в написании фамилий авторов и издателей затрудняют воссоздание книготорговых ассортиментов, позволяя составить о них лишь самое общее представление. Так, в посудной лавке мещанина М.А. Колесова насчитывалось 17 наименований книг, изданных с 1853 по 1864 г. Преобладали книги религиозной тематики: Служебники, Новый Завет, Псалтырь, Жития святых, Евангелия, Краткая священная история, Библейская история⁶⁰. По соседству, в лавке № 25 Ярославского ряда, торговал мещанин Арсений Волков. Составленный им

⁵⁵ Устав торговый // Собрание законов Российской империи. – Т. XI. – Ст. 538.

⁵⁶ Галиева Р.Д. Российское законодательство и правовое положение торговых служащих в конце XIX – начале XX в. (на материалах Сибири) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: Сб. науч. ст. – Барнаул, 2001. – Вып. 3. – С. 50. Режим доступа: http://new.hist.asu.ru/biblio/predpri_3/4.html.

⁵⁷ ПСЗ. – Собр. I. – 1863. – Т. 38. – № 39118. – Гл. V.

⁵⁸ Книжная торговля в Москве XVIII – XIX столетий – С. 46–47.

⁵⁹ Многие из них обобщены в специальном указателе. См.: Книготорговые каталоги 50 – 70 гг. XIX в.: Указатель. Учеб. пособие по курсу общей и книготорговой библиографии / Н.Н. Агеева, И.Н. Трегубенко и др.; Под ред. В.О. Осипова. – М., 1978.

⁶⁰ ГАТО. – Ф.56. – Оп. 1. – Д. 14206. – Л. 59; Д. 29005. – Л. 146.

каталог насчитывал 47 наименований изданий духовной и светской литературы 1829 – 1868 гг. выпуска. Среди прочих сочинения поэта и драматурга, критика и редактора разных изданий В.Р. Зотова, детская и учебная литература. Духовная литература была представлена такими изданиями, как «Беседы Иоанна Златоуста», «Сказания об иконе Божьей Матери Троеручице» (1863) и др.⁶¹

Не менее интересным источником являются рапорты уездных исправников. Приведём наблюдение одного из них по поводу книжной торговли старицкого купца 2-й гильдии Василия Чернытина. Вот сведения о наличии книг в 1874 г. – «небольшое количество славянских и духовных книг: псалтырей, часословов, святцев, русских и славянских азбук для первого чтения Паульсона⁶² и других первоначальных учебников»⁶³. 1884 г.: «... отдельных книжных лавок и книжной торговли не имеется, а продолжается лишь, и то весьма незначительная, книжная торговля при бакалейном товаре только в одной лавке умершего 2-ой гильдии купца Василия Петрова Чернытина, принадлежащая ныне по наследству родной дочери, купеческой жене Анне Васильевой по мужу Верёвкиной»⁶⁴. Об уровне этой книжной торговли говорит и тот факт, что в одном из каталогов малограмотный лавочник назвал учебник известного на всю Россию педагога И.И. Паульсона не иначе как «Пульсон учебный. Пособие для народного просвещения»⁶⁵. Подобные ошибки встречались часто: вместо «арифметики» писали «арехметика», вместо «российская история» – «росиска история» и т. д.

Существенно отличался от всех прочих ассортимент книг, продаваемых в овощной лавке тверского мещанина Егора Ивановича Борисова. Выделялась эта торговля и в документах инспекторского надзора, в которых она обозначалась как «книжная торговля»⁶⁶. Непонятым остаётся, кто, собственно, вёл торговлю: в документах надзора упоминается и другое имя – мещанки Авдотьи Шуваевой, подательницы каталога, составленного из-за безграмотности Шуваевой неизвестным канцелярским служащим. Каталог насчитывал 110 наименований книг различных авторов, издателей и времени выпуска, ориентированных на достаточно широкий круг читателей. В продаже имелись книги, которые вполне могли бы быть отнесены к разряду букинистических, к примеру «Совершенный лакировщик» П. П. Сумарокова (1799)⁶⁷, «История России от древнейших времён» известного россий-

⁶¹ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 14206. – Л. 59; Д. 29005. – Л. 146.

⁶² Паульсон Иосиф Иванович (1825–1898) – педагог, автор многочисленных учебников. Наиболее известные: «Способ обучения грамоте по первой учебной книжке», «Обучение грамоте и родному языку по первой учебной книжке» (СПб., 1876 – 1878), «Задачник письменных упражнений в родном языке» (3-е изд., 1884), «Об употреблении задачника письменных упражнений в родном языке» (3-е изд., 1884), «Первая учебная книжка. Классное пособие при обучении письму, чтению и началам русского языка» (5-е изд., 1837), «Вторая учебная книжка» (1876), «Учебник немецкого языка для русского юношества» (3-е изд., 1873), «Методика грамоты по историческим и теоретическим данным» (СПб., 1887). Наибольшим успехом пользовалась его «Книга для чтения». В 1861 г. основал педагогический журнал «Учитель», был его редактором.

⁶³ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 29006. – Л. 108.

⁶⁴ Там же. – Д. 28386. – Л. 55–55 об.

⁶⁵ Там же. – Д. 142006. – Л. 27.

⁶⁶ Там же. – Д. 29005. – Л. 145; Д. 14206. – Л. 64–67.

⁶⁷ Сумароков Панкратий Платонович (1763–1814) – журналист, издатель, переводчик, писатель и поэт. Внучатый племянник известного российского писателя А. П. Сумарокова (1717/1718–1777). В начале 1790 г. в Тобольске приступил к изданию первого периодического издания в Сибири ежемесячного журнала «Иртыш». В 1793 – 1794 гг. издавал «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную» – энциклопедию всевозможного рода сведений; в 1802–

ского историка М.М. Щербатова (1789), «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (1828)⁶⁸, «Письмовник, содержащий науку Российского языка» Н.А. Курганова (1831), «Ледяной дом» И.И. Лажечникова (1835) и др.

Духовная, учебная, детская, художественная и публицистическая литература, сказки для простонародного чтения – таков ассортимент торговли Борисова. Представим современному читателю лишь некоторые учебные и научные издания. В их числе «Геометрия Севастьянова (1819)⁶⁹, «История государства Российского» Н.И. Карамзина (1842)⁷⁰, «Краткая всеобщая география», А.Г. Ободовского⁷¹(1852), «Практические уроки русской грамматики Н.И. Греча (1832)⁷², «История русской словесности» С.П. Шевырёва⁷³ (1845 – 1860).

Однако торговля Е. Борисова – скорее исключение из правил. Понимала ли значение этих книг безграмотная мещанка Шуваева, которая отчиталась перед ин-

1804 гг. – «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения». Отдельно издал: «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов П.Сумарокова» (М.,1800); «Сочинения и переводы П. Сумарокова» (М.,1807); «Источник здравия, или Словарь всех употребляемых снедей, приправ и напитков, из трех царств природы и т. д.» (М.,1800; М.,1808; М.,1833); «Стихотворения П. Сумарокова» (СПб., 1832) и др. Книгу «Совершенный лакировщик» (полное название: «Совершенный лакировщик или Полное и подробное руководство к составлению и употреблению всякого рода Лаков, как спиртовых, так и скипидарных и масляных, содержащее в себе более ста лучших рецептов оным; с приобщением всех особеннейших новейших и малоизвестных секретов, касающихся до сего приятного художества») П. Сумароков издал в 1799 г. Книга является настоящей лакокрасочной энциклопедией для художников, столяров и любителей искусств. В ней, на основе тщательного изучения технологии изготовления лаков в разных странах, автор обобщил более сотни способов приготовления всевозможных лаков. Подробнее см.: *Павлов В.* Повесть о Панкратии Сумарокове // Урал. – 2004. – № 6. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/6/pav111>.

⁶⁸ «Роспись» А. Смирдина, в составлении которой участвовали В.Г. Анастасевич и Ф.И. Цветаев, включала большинство существовавших русских изданий – 12 036 библиографических названий вместе с двумя прибавлениями (1829 и 1832 гг.) и долгие годы являлась основным библиографическим справочником в России.

⁶⁹ Севастьянов Яков Александрович (1796–1849) – писатель, профессор и помощник директора Института корпуса путей сообщения. Автор трудов: «Начальные основания аналитической геометрии» (СПб., 1819), «Основания начертательной геометрии» (СПб., 1821), «Приложение начертательной геометрии к рисованию» (СПб.,1830), «Приложение начертательной геометрии к воздушной перспективе, проекции карт и гномоники» (СПб.,1831). См.: Некролог // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1849.– Ч. LXIV.

⁷⁰ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 14206. – Л. 65.

⁷¹ Ободовский Александр Григорьевич (1796–1852) – педагог, автор многочисленных учебников. Основные труды: «Учебная книга всеобщей географии», «Руководство к педагогике» (СПб.,1835), «Руководство к дидактике» (СПб., 1837), «Теория статистики» (СПб., 1839) и др. Основатель одного из первых отечественных журналов по педагогике «Педагогический журнал» (1830).

⁷² Греч Николай Иванович (1787 – 1867) – журналист, издатель, беллетрист, писатель, филолог, переводчик, педагог, чл.-кор. АН, почет. библиотекарь Публичной библиотеки (1817–1854), с 1854 – почётный член Публичной библиотеки.

⁷³ Шевырёв Степан Петрович (1806–1864) – русский литературный критик, историк литературы и искусства, поэт. Доктор философии (1836 г.) и профессор Московского университета (с 1837). С 1851 г. возглавлял кафедру педагогики Московского университета. Активный сотрудник журналов «Московский вестник» (1827), «Московский наблюдатель» (1835–1837), «Москвитянин» (с 1841). В 1845 – 1860 гг. издал «Историю русской словесности» (т. I–IV) – первый учебник по истории русской литературы, в основу которого был положен курс его публичных лекций. Член Московского художественного общества (1844), доктор Королевского Пражского университета (1848), член ряда иностранных обществ, академик Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности (1852). Подробнее см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. – М., 1855.– Т. 2.; *Киреевский И.В.* Публичные лекции профессора Шевырёва об истории русской словесности, преимущественно древней // Критика и эстетика. – М., 1988.

спектором безграмотно составленным с помощью нанятого канцеляриста документом? Думается, нет. Необразованные лавочники продавали книги по наитию, на основе многолетней практики безошибочно «угадывая» те книги, которые быстрее раскупались. Интересно знать, какие? Ответ находим в архивных материалах о торговле осташковского купца Ивана Митина. Печатные издания в его лавке (92 наименования) были представлены в количестве от 1 до 150 экземпляров. И вот – приоритеты: Азбука гражданская (М.: Тип. М. Каткова) – 150 экземпляров; Краткая священная история (М.: Синод. тип.) – 50 экземпляров; Азбука церковная (М.: Синод. тип.) – 30 экземпляров; Календарь гражданский на 1868 г. (М.: Тип. Смирнова) – 30 экземпляров⁷⁴.

Общий вывод таков, в ассортименте книг, продаваемых из лавок гостиных дворов среди прочих товаров, преобладала церковная и учебная литература, предназначенная прежде всего для простонародного чтения и обучения в народных и воскресных школах, сельских и городских начальных училищах. Вспомним, по каким учебникам велось обучение в воскресных школах. Арифметику изучали по методике В.А. Евтушевского, грамоту – по современным в то время методам представителей передовой педагогической науки В.Г. Редкина, И.И. Паульсона, К.Д. Ушинского, Н.Ф. Бунакова, и др. Примечательно, что учебники И.И. Паульсона встречаются в каталогах многих книготорговцев.

Была ли востребована другая литература? Увы, нет. В очередной раз сошлёмся на Н.П. Черенина. В 1902 г. он с горечью отмечал: «Городское и сельское население покупает книг слишком мало, за исключением учебников и календарей, прочие книги являются для населения не предметами необходимости, а предметами роскоши. Сельское население покупает лишь календари, очень редко листовые и трёхлистные книги ценою от 20 до 50 копеек... Городское население покупает книги тоже неохотно. 90 % городского населения ограничивается тем, что имеют календари, молитвенники, изредка Евангелие... И только любители почитать берут книги в городской общественной библиотеке (имеющей в последнее время около 150 подписчиков). Купить же книгу, кроме календаря и учебника, обыватель решает лишь под влиянием каких-либо исключительных обстоятельств. Лиц, покупающих время от времени книги для чтения, так сказать “постоянных покупателей” книг, в городе наберётся от 20 до 30 человек. Из них большая часть интеллигенция и разночинцы, остальные принадлежат к торгово-промышленному классу»⁷⁵.

Не лучше обстояли дела и в других уездах губернии. В Калязине книги, преимущественно учебники, продавались со склада земской управы, которая ежегодно выделяла на эти цели до 1,5 тысяч рублей. Других изданий, по преимуществу календарей и копеечных народных книжек, продавалось всего лишь на несколько десятков рублей в год. Предпочитали приобретать книги у книгонош, которые бывали в Калязине два – три раза в год и имели прибыль от продажи печатной продукции, по большей части календарей, в несколько сотен рублей⁷⁶.

Вывод Н.П. Черенина однозначен и звучит как приговор: в большинстве русских городов вследствие ничтожного спроса на книги самостоятельная книжная торговля развиваться не может, а возможна только «побочная», да и то лишь неко-

⁷⁴ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 14206. – Л. 126–129 об.

⁷⁵ Черенин Н.П. К вопросу о положении провинциальной книжной торговли. – Прил. 3-я паг. – С. 3.

⁷⁶ Там же. – С. 5.

торыми видами книг, по преимуществу учебниками и дешёвыми народными изданиями. И уж совсем печальная, но достаточно красноречивая статистика! В 1901 г. каждый житель Кашинского уезда потреблял книжной продукции в среднем на 8 копеек, в то время как продуктов питания – на 16 рублей, промышленных товаров на 8 рублей, спиртных напитков – на 6 рублей⁷⁷. Что ж, как говорится, комментарии не требуются.

Итак, торговля книгами среди прочих товаров в пореформенной России оставалась достаточно распространённой формой сбыта печатной продукции, но не была определяющей в развитии культурных и образовательных потребностей жителей российских городов и не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на формирование их социокультурных традиций. Ассортимент книг в лавках был бедным, а сам покупатель – случайным, видевшим в книгах лишь попутный товар. С конца 1870-х гг. такая книжная торговля медленно угасала, по мере того как уходили в прошлое её традиционные центры – гостиные дворы.

E.G. Kiryanova

BOOK TRADE IN THE STORES OF SHOPPING ARCADES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY (CASE STUDY FOR TVER REGION)

Summary

The article is devoted to legislative and logistical foundations of the book trade and the mechanisms of distribution of printed output in the stores of shopping arcades. The author argues that such form of trade was mainstream device in pre-Revolutionary Russian Provinces. In the article the author tried to find answers on the number of questions. How effective was abovementioned way of book trade? Could it satisfy cultural and educational needs of provincial reader? What kind of books the arcade's stores sold and what audience it was meant for? Those and other questions should be answered in order to evaluate book trade in the stores of the shopping arcades. Present research based on literature, legislative acts and archive materials from the State Archive of Tver Region.

⁷⁷ Черенин Н.П. Как открывать и вести книжную торговлю в провинции. – С. 7.